

УДК 811.161.1

**К вопросу об эгоцентризме личного местоимения «я»
и альтруизме личного местоимения «мы» (на примере
прозы Б. Акунина)**

Дронсейка Регина Пранасовна

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры казахского, русского языков и делопроизводства
Восточно-Казахстанский государственный технический университет
им. Д. Серикбаева,
070004, Казахстан, Усть-Каменогорск, ул. А.К. Протозанова, 69;
e-mail: rdronseika@inbox.ru

Аннотация

В статье рассматриваются такие спорные вопросы, как семантическое своеобразие местоимения, определение статуса личного местоимения, функциональная роль местоимения в различных коммуникативных ситуациях; проблема определения понятия «личность». Автором статьи описаны семантические особенности и функциональный потенциал местоимений «я» и «мы» как лексем, по-разному репрезентирующих концепт «личность»; предложен вариант семного анализа этих слов, подтвердивший возможность закрепления за ними статуса выразителей эгоцентризма и альтруизма в языке. Анализ процессов текстовой реализации местоимений «я», «мы» в произведениях Б. Акунина выявил градуальность семантики эгоцентризма и альтруизма, отражающей динамику изменения ролевого статуса говорящего. Для фиксации уровня эгоцентризма и альтруизма в речи предложены три рабочие шкалы. Графическое представление палитры зафиксированных значений личных местоимений 1-го лица в виде континуума с ярко выраженными зонами разной степени проявления эгоцентризма и альтруизма наглядно демонстрируют функциональные свойства

данных местоимений и позволяют упорядочить многообразные варианты проявления оттенков эгоцентрической и альтруистической семантики местоимений «я», «мы» в условиях их дискурсивного употребления.

Ключевые слова

Семантика личных местоимений, транспозиции местоимений «я» и «мы», лингвистический альтруизм, лингвистический эгоцентризм, личность, проза Б. Акунина.

Введение

Данное исследование посвящено семантическому анализу личных местоимений «я» и «мы», наиболее ярко представляющих в языке личность человека в ее преломлении в языковой личности. Личные местоимения «я» и «мы» как носители понятий эгоцентризма и альтруизма на уровне системы (языка) рассматриваются в процессе их функционирования в художественной речи, представленной прозаическими произведениями одного из ярких писателей современной русской литературы – Бориса Акунина.

Актуальность исследования определяется, во-первых, изучением в рамках антропоцентрического пространства (координаты – «я – здесь – сейчас») личных местоимений «я – мы» как феномена языка, определяющего факт порождения речи,

связующего звена («буфера») между языком и речью, то есть инструмента перевода системных средств в план их речевого использования. Во-вторых, такой аспект изучения «я – мы» делает актуальным рассмотрение семного состава указанных местоимений в плане реализации их семантического потенциала в художественном дискурсе. В-третьих, актуальным является исследование языка прозы Б. Акунина как яркого представителя современной русской литературы, мастера стилизации, искусно владеющего литературным языком разных эпох, что дает возможность глубинного анализа функционирования местоимений «я – мы» как прямого выражения личности.

Объект исследования – интенционал личных местоимений «я – мы» с позиции лингвистического эгоцентризма и альтруизма. Предметом изучения является анализ особенностей

реализации семантического потенциала указанных местоимений в языке художественной прозы Б. Акунина.

Цель исследования – изучение функционирования личных местоимений «я – мы» в качестве выразителей эгоцентризма и альтруизма в художественной прозе Б. Акунина как языковой личности.

Область применения результатов исследования: разработка лекционных курсов, спецкурсов и спецсеминаров в сфере семантики частей речи; в курсе стилистики СРЛЯ и лингвистического анализа художественного текста при изучении текстовых функций местоименных слов; в курсе СРЛЯ при изучении синтагматических и парадигматических связей словарного состава, местоимения как части речи; в лексикографической практике, а также в поэтике при изучении индивидуального стиля писателя.

Общим подходом к исследованию является дедуктивно-описательный метод. В работе также используются элементы компонентного анализа, прием психолингвистического анкетирования для подтверждения достоверности семного состава местоимения «я», элементы статистического метода.

Антропоцентрический аспект личных местоимений

Семантическое своеобразие личных местоимений давно осознается лингвистами, однако до настоящего времени они не подвергались исследованию как наиболее яркое проявление эгоцентризма в контексте проблемы языковой личности. В последние десятилетия в лингвистических исследованиях просматривается возросший интерес к изучению местоимений (Е.М. Вольф¹; Л.Я. Маловицкий²; О.Н. Селиверстова и В.Н. Ярцева³, Е.В. Падучева⁴; Н.А. Петрова⁵ и др.). Семантическое своеобразие

- 1 Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. – М.: Наука, 1969. – 224 с.
- 2 Маловицкий Л.Я. История предметно-личных местоимений русского языка в семантико-синтаксическом аспекте: автореф. ... докт. филол. наук. – Л., 1972. – 44 с.
- 3 Селиверстова О.Н., Ярцева В.Н. Местоимения в языке и речи. – М.: Наука, 1988. – 159 с.
- 4 Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 271 с.
- 5 Петрова Н.А. Личные местоимения в коммуникативном аспекте: автореф. ... канд. филол. наук. – Череповец, 1995. – 21 с.

местоимений отмечается многими исследователями, но при этом выделяется какой-либо определенный аспект местоименного значения. Одни лингвисты «растворяют» местоименное значение в категориальной семантике других частей речи (предметности, признака, числа) (Г.П. Павский, Ф.И. Буслаев, А.М. Пешковский); местоимения выступают как указатели, заместители (К.Е. Майтинская, Р. Якобсон, И.В. Побегайло, Е.В. Падучева). Другие (Л.Я. Маловицкий, Е.М. Вольф, О.Н. Селиверстова), наоборот, выделяют у них собственное значение.

Личные местоимения семантически отличаются от остальных местоимений тем, что у них нет заместительной функции (кроме местоимения «он», обозначающего лицо, которое остается за пределами речевого акта). С остальными разрядами личные местоимения объединяет дейктическое (указательное) значение, которое назовем косвенным дейксисом, так как личные местоимения указывают не на предмет или признак, а на роль местоимения в речевом акте. Таким образом, если у местоимений денотат переменный, то у личных местоимений – постоянный.

Признавая наличие постоянного значения у местоимений, рас-

смотрим семантические особенности личных местоимений. От всех других местоимений личные местоимения 1-го, 2-го лица отличает их непосредственное отношение к речевому акту (ситуации речи), то есть выполнение роли «буфера» между языком и речью. Они являются средством функциональной организации высказываний о конкретных фактах реальной действительности и, таким образом, выполняют функцию перевода «абстрактной системы языка в сферу актуализированной речи», занимая важное место в формировании конкретных высказываний. Э. Бенвенист назвал данное свойство личных местоимений инструментом «для процесса, который можно назвать обращением языка в речь»⁶. Чтобы выполнять такую функцию, личные местоимения должны обладать специфической семантикой, независимой от контекста, – это способность личных местоимений называть разные позиции в речевой ситуации: говорящего лица (я) / совокупности множества лиц, передаваемой от лица говорящего (мы); слушающего лица (ты) / совокупности лиц в адресатной позиции (вы). Таким образом, двойственность личных ме-

6 Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 288.

стоимений проявляется в том, что они являются коммуникативными элементами речи, но при этом системно связаны с языком, так как имеют внеконтекстное значение.

Вопрос о референциальной сущности личных местоимений является спорным. Мы вслед за Л.Я. Маловицким, Н.М. Пазиловой, Н.Н. Волковым, И.В. Побегайло признаем наличие особого рода референции у личных местоимений: они относятся к разряду указательных слов с постоянно меняющимся референтом в зависимости от субъекта, обстановки и ситуации речи. Из референциальных особенностей личных местоимений вытекает одна из их функций – идентификация референта (Н. Волков). Еще Э. Бенвенист называл личные местоимения «знаками особого типа, функция которых заключается в представлении говорящего или слушателя как индивида, взятого в его единственности»⁷, то есть личные местоимения являются представителями личности. В лингвистическом аспекте *личность* понимается нами как лицо, индивид, субъект, персона, самость. Не обсуждая более частеречный статус местоимений, подчеркнем

7 Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 38.

важность для дальнейшего развития вопроса об особенностях семантики личных местоимений признание следующих семантических параметров: 1) наличие у местоимений собственного внеконтекстного постоянного значения и 2) наличие у них контекстуального (ситуативного) значения, определяемого дейктической (указательной) функцией местоимений.

Для нас представляется важной связь референции с *эгоцентризмом* и говорящим субъектом, отмеченная Б. Расселом, который связывал референцию именно с говорящим субъектом, назвав определенные дескрипции *egocentric particulars*. По мнению ряда исследователей (Ю.Д. Апресяна, Ю.В. Большовой, Ю.С. Степанова, Е.В. Падучевой, Г.И. Берестнева, В.В. Химика⁸ и других), эгоцентризм в языке выражается посредством словообразовательных, лексических и синтаксических средств. На наш взгляд, эгоцентризм свойственен всем разрядам местоимений, однако максимальное проявление эгоцентризма характерно для разряда личных местоимений, где эгоцентризм составляет понятийное ядро их лексического значения. Остальные

8 Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. – 184 с.

местоимения проявляют эгоцентризм косвенно (опосредованно) по отношению к «я» (которое является «точкой отсчета», первичным и прямым выражением эгоцентризма). Эту особенность отмечали Л.Я. Маловицкий, Е.А. Федорченко, М.А. Шелякин, Л.А. Киселева, Чжен Сяо Мин и др.

Собственно понятие «эгоцентризм» основывается на более широком понятии «эгоизм», трактуемом в словарях как «себялюбие, предпочтение личных интересов интересам других, общественным интересам». Общепринятое понятие эгоцентризма – отношение к миру, характеризующееся сосредоточенностью на своем индивидуальном Я. В психологии (работы Ж. Пиаже, Л.С. Выготского) эгоцентризм связан с понятиями «эгоцентрическая речь», «речь внешняя» и «внутренняя». Понятие лингвистического эгоцентризма сформулировано нами в соответствии с целями исследования с учетом того, что эгоцентризм смыкается с функцией индивидуализации и толкуется нами в широком и узком смысле. В широком смысле эгоцентризм трактуется как понятийная категория (категориальное значение понятийного характера), организующая эгоцентрическое поле разноуровневых языковых единиц, центральное

место в котором занимает класс местоимений, а его ядром является личное местоимение «я». В узком смысле эгоцентризм понимается как семантическое свойство местоимения «я»: сосредоточение говорящим внимания на своей личности в «я-высказываниях», ориентированных на передачу мыслей личности о самом себе.

Поскольку в данном исследовании рассматриваются местоимения 1-го лица единственного и множественного числа, требуется уточнить наше понимание *соотношения «я» и «мы»*. По мнению Э. Бенвениста, уже сам факт, что для обозначения «я» и «мы» используются разные слова, достаточен для того, чтобы не подводить местоимения под обычные приемы плюрализации. Данное сочетание образует новую общность иного типа, составляющие которой неэквивалентны: в Мы всегда преобладает Я, ..., и это Я подчиняет себе элемент не-Я в силу своего свойства трансцендентности⁹. Местоимение «мы» имеет категориальную семантику множественности («я+х»): называются два или более лица, включая говорящего; в «мы» нет явного выражения совокупности однородных предметов, речь идет о раз-

9 Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 269.

народных составляющих («я + ты»; «я + вы» – инклюзивное «мы»; «я + они» – эксклюзивное «мы»). Так как в лексическое значение «мы» добавляется компонент «я + другой» (от лат. alter), что служит базой для развития значения, введем понятие «альтруизма» для анализа местоимения «мы». Альтруизм (термин введен О. Контом) в толковых словарях русского языка, в философских учениях (Ж. Руссо, Ф. Ницше, З. Фрейда) понимается как бескорыстная забота о благе других. Лингвистический альтруизм, в нашем понимании, является семантическим свойством местоимения «мы», которое выражается в способности говорящего принять на себя коммуникативную ответственность за действие (ментальное или физическое) других лиц в «мы-высказываниях», нивелирование собственной личности.

Местоимение «я» как основное языковое проявление эгоцентризма

Философский, психологический феномен концепта «я» и его лингвистический аспект (семантическая структура)

Местоимение «я» как лексическая (словарная) единица языка на

уровне обыденного сознания воспринимается носителями языка как выражение собственной личности («самости»). Понятие или концепт «Я» является одним из наиболее сложных и противоречивых в системе знаний о человеке, хотя он давно изучается в разных науках, но до сих пор его категориальный статус остается неопределенным: как равнозначные употребляются термины «самость», «идентичность», «Эго» в различных значениях. Концепт «я» в философских воззрениях соотносится с понятием личности и самосознанием: в восточной философии понимается как единство «я-тела» и «я-души» (с приоритетом телесного); в западно-европейской философии (не считая марксистской) преобладает взгляд на концепт «Я» как духовную сущность: я – душа (Р. Декарт), «я» рефлексивное и экзистенциальное (И. Кант). В психологии категория «я» связывается с различными концепциями личности. Для нас представляет интерес концепция множественности личности З. Фрейда (сознательное Я, бессознательное Оно, сверх-Я), концепция личности Э. Берна (личность: физическое, социальное, интеллектуальное, эмоциональное, речемыслительное «я»), классификация М. Розенбер-

га (типичные образы «Я»: наличное, желаемое, представляемое), теория К. Юнга (Я: Эго, архетипы личного и коллективного бессознательного).

Уникальность местоимения «я» как *лингвистического* феномена определяется, во-первых, неразрывным единством говорящего и личности («говорящая личность» или «говорящее лицо»), во-вторых, высшей степенью индивидуализации личности, в-третьих, коммуникативной ориентацией речевого содержания на речевое функционирование и, наконец, отнесенностью я-высказываний к прагматическому уровню (модусному содержанию) языка. Анализ теоретических аспектов феномена местоимения «я» показал неомогенность его семантического (смыслового) содержания. Семантическая структура личного местоимения «я» как словарной единицы (на языковом уровне) представлена, на наш взгляд, двумя «ядерными» семами – семой «говорящий» и семой «собственная личность» (самоть). Грамматический статус семы «говорящий» препятствует лингвистическому сознанию воспринимать местоимение «я» в его основном словарном значении – языковой знак «я» прочно ассоциируется с представлением о собственной персоне (само-

сти), о чем свидетельствуют данные психолингвистического эксперимента, проведенного нами для анализа семантического содержания слова «я» в сознании носителей языка и выявления особенностей его восприятия (в анкетировании приняли участие 325 реципиентов в возрасте 6–77 лет с разным уровнем образования и социальным статусом). Эксперимент подтвердил гипотезу, выдвинутую в рамках данного исследования, о том, что слово «я» в первую очередь ассоциируется с личностью для 78 % реципиентов (из них 22 % указали понимание «я» как «личности», 18 % – «человека», 4 % – «самости», 22 % – самоидентификации, 12 % предложили смешанные определения «я – личность, человек, субъект»), и только 6 % (в основном это специалисты – филологи) отметили понимание «я» в значении «говорящий».

Функционирование местоимения «я» в произведениях Б. Акунина

Как уже отмечалось ранее, эгоцентризм местоимения «я» связан с позицией говорящего в коммуникативном акте, что проявляется в наличии в составе «я» семы «указание на говорящего». В художественных текстах Б. Акунина «я» с ведущей семой «говорящий» реализуется в функции

индивидуализации и в качестве относительной референции «я».

Одной из характерных особенностей языковой личности Б. Акунина является использование местоимения «я» для выражения субъекта действия в различных видах речевых актов (монологам, диалогам, полилогам), в которых происходит поочередное присвоение роли говорящего и раскрытия героев как личностей. Например, в монологическом высказывании «Я никогда никого не убивал! Да и невыгодно мне, чтобы Игорь бесследно исчез ...» (ФМ, т. 2, с. 108)¹⁰ «я» употреблено в значении «указание на лицо говорящего субъекта». В диалоге «Я¹ пробовал вмешаться, а лейтенант мне: «Я² обещал Екатерине Иоанновне, что глаз с его высочества не спущу, куда я², туда и он» (Коронация, с. 9)¹¹ «я¹» идентифицирует дворецкого, «я²» – лейтенанта. Условно назовем данную функцию местоимения «я» «подвижной (относительной) референцией в диалогической (полилогической) речи». Данная особенность объясняется жанровой спецификой

творчества Б. Акунина: все произведения написаны в жанре детектива, развитие сюжета в которых происходит посредством диалогов и полилогов в повествованиях с живой речью, рассуждений с помощью реплик героев, что способствует развитию детективной динамики событий, связанной с расследованием и раскрытием преступлений.

Вторая особенность использования местоимения «я» в значении «говорящий» в произведениях Б. Акунина – реализация функции актуализированного обозначения референта (самоидентификации героев), характеризующейся высшей степенью проявления признаков индивидуализации и эгоцентричности в ситуациях узнавания, знакомства. Отличие первой функции от второй в том, что в первом случае (указание на лицо говорящего) референт просто называет себя «я», во втором – происходит повышение степени эгоцентризма «я»: сосредоточение на себе.

В произведениях Б. Акунина выделены два вида самопрезентации героев: официальное представление недолжностному лицу должностного лица, называющего свою должность и ФИО; неофициальное представление недолжностных лиц (бытовое зна-

10 Цитаты из романа «Ф.М.» приводятся по изданию: Акунин Б. Ф.М. В 2 т. – М.: Олма-Пресс, 2006. – Т. 1, 2.

11 Цитаты из романа «Коронация» приводятся по изданию: Акунин Б. Коронация. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 413 с.

комство: попутчики в дороге; в одной компании: клуб самоубийц; знакомство после совместно пережитых экстремальных ситуаций: на войне, после дуэли, спасения от гибели). Самопрезентация представлена в произведениях Б. Акунина в двух видах формул: с местоимением «я» и без него, но чаще используются я-конструкции.

1. Более официальной является конструкция «Я – фамилия, имя, отчество», «я – имя / кличка», в которой представлено не просто самоназывание, а максимальное сосредоточение на себе в речи должностных лиц, несовершеннолетних (детей, подростков), людей, скрывающих свое настоящее имя (бандитов, членов тайных обществ), в ситуации узнавания по голосу, например: «– Ты кто? Чего тебе? – Я – Казбек» (Любовник смерти, с. 291)¹².

2. Формулы представления с нулевым «я» характеризуются меньшей степенью проявления эгоцентризма по сравнению с конструкцией «Я – ФИО».

При официальном знакомстве, при знакомстве в экстремальных ситуациях говорящий не всегда использует конструкцию «Я – ФИО»:

12 Цитаты из романа «Любовник смерти» приводятся по изданию: Акунин Б. Любовник смерти. – М.: Захаров, 2003. – 292 с.

«– Начнем церемонию официального представления. Влад Соловьев.

– ... Николай Фандорин» (Алтын-толобас, с. 189)¹³.

К подобному типу конструкций с пониженной степенью эгоцентризма относится использование стандартной формулы самопредставления «звать меня...», в которой неуместно «я» в силу того, что уже использована его падежная форма: «– Звать меня Николай Иванович Кузнецов, – представился посетитель...» (Внеклассное чтение, т. 1, с. 25)¹⁴.

Для творчества Б. Акунина характерно использование различных способов раскрытия многогранности личности своих героев. При этом для максимального раскрытия образов героев автор учитывает и гендерный признак. Так, в произведениях Б. Акунина самопрезентация женщин отличается от презентации мужчин. Для женщин типично представление по имени и фамилии, чаще без указания отчества (например, Алтын Мамаева,

13 Цитаты из романа «Алтын-толобас» приводятся по изданию: Акунин Б. Алтын-толобас. – М.: Олма-Пресс, 2002. – 383 с.

14 Цитаты из романа «Внеклассное чтение» приводятся по изданию: Акунин Б. Внеклассное чтение. В 2 т. – М.: Олма-Пресс, 2002. – Т. 1, 2.

Суворова Варя): «– *А вы кто? Как вас зовут?*...

–... *Алтын* – это имя. *Фамилия – Мамаева*» (Алтын-толобас, с. 99).

Для мужчин характерно представление себя незнакомому человеку по типичной схеме: имя (может быть названо также и отчество – в зависимости от официальности ситуации общения), отчество, фамилия, краткая характеристика (социальный статус, воинское звание, должность): «– *Вы кто? Вы откуда?*

– *Эраст Петрович Фандорин. Сербский волонтер. Возвращаюсь из турецкого плена*» (Турецкий гамбит, с. 17)¹⁵;

«– *Как вас... Пескарев?* – спросил Зуров...

– *Никак нет. Карпов, отставной секунд-ротмистр...*» (Внеклассное чтение, т. 1, с. 25) (согласно дворцовому церемониалу XVIII века говорящий должен представляться, называя помимо фамилии и свой чин).

Ситуация самопрезентации в виде вопросно-ответной конструкции «Ты / вы кто?», «Как вас / тебя зовут?» позволяет говорящему выбрать

15 Цитаты из романа «Турецкий гамбит» приводятся по изданию: Акунин Б. Турецкий гамбит. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 286 с.

формулу как с местоимением «я», так и без него: «*Зовусь я Пашика Немцев...*» (Алтын-толобас, с. 72); «– *Тебя как зовут? – Эраст*» (Азазель, с. 138)¹⁶; «–...*забыл представиться. Эраст Петрович Неймлес*» (Любовник смерти, с. 205).

При самоидентификации субъекта как индивидуума «Я» в письменных текстах, которые составляются собственноручно – в расписке, доверенности, завещании («*Я, нижеподписавшийся Петр Александрович Кокорин ... объявляю мое завещание...*» (Азазель, с. 18), свидетельских показаниях («*Я, Шарль Ренье, делаю нижеследующее признание ...*» (Левиафан, с. 149)¹⁷ – используется формула с «я» в отличие от частной переписки, где предпочтительны формулы-клише без «я».

Вторая ядерная сема местоимения «я» – «**собственная личность**» (самость) в произведениях Б. Акунина реализуется в двух вариантах.

1. Раздвоение личности («я»), расщепление «я», стремление к самоанализу у писателя и его героев. Показа-

16 Цитаты из романа «Азазель» приводятся по изданию: Акунин Б. Азазель. – М.: Олма-Пресс, 2005. – 312 с.

17 Цитаты из романа «Левиафан» приводятся по изданию: Акунин Б. Левиафан. – М.: Захаров, 2001. – 235 с.

тельно, что для самого писателя (Григория Чхартишвили, пишущего под псевдонимом Борис Акунин) характерно определенное раздвоение личности, о котором он сам неоднократно упоминает на страницах своих произведений, в данных им интервью. Так, в аннотации к книге «Кладбищенские истории», опубликованной Б. Акуниным в соавторстве с Г. Чхартишвили, заявлено, что это «*плод коллективного творчества, равноправного соавторства двух писателей – реального и выдуманного*» (с. 5)¹⁸, а в одном из интервью Г. Чхартишвили на вопрос журналиста «*Идентифицируешь ли ты себя с автором, в смысле с Акуниным?*», писатель отвечает: «*Не совсем. Борис Акунин – это все же не я*». Расщепление «я» характерно для многих героев произведений Б. Акунина. Например, для речевой личности одного из героев – Эраста Фандорина – характерно заикание вследствие контузии. Но в ситуациях, когда для выполнения опасных заданий на службе в полиции он перевоплощается в другого человека с изменением дискурса, как будто герой надевает «языковую маску», заикание исчезает, и в том образе, в

18 Цитаты из сборника «Кладбищенские истории» приводятся по изданию: Акунин Б. Кладбищенские истории. – М.: КоЛибри, 2005. – 223 с.

который он перевоплощается, он становится уже не самим собой, а кем-то другим: «...*Что же до заикания, – с важным видом пояснил Эраст Петрович, – то, как вы могли заметить, перевоплощаясь в иную n-персоналию, я меняю и голос, и манеру разговора, и все прочие речевые особенности. Это уже совсем не я, или во всяком случае, не совсем я*» (Коронация, с. 282). При этом с вживанием в роль меняется как внешность героя с помощью грима и одежды, так и лексика, синтаксические конструкции.

2. Отторжение от «я»-самости, представленное тремя случаями:

а) для придания значимости, когда субъект речи говорит о себе как о постороннем, называя себя по фамилии / по имени и отчеству (рассматривается как косвенное проявление эгоцентризма): «– *Я – старая ищейка!* – сказал комиссар. – *Гюстава Гоша со следа не собьешь!*» (Левиафан, с. 76).

б) для отрицания я-самости как проявления различных степеней эгоцентризма: от «я = личность» до «я = Бог». Описанный случай близок к раздвоению личности, добавляется отрицание одной из частей самого себя – перенесение своей вины на другое «я», которое воспринимается как нечто инородное, постороннее; отмечен-

Рисунок 1. Шкала проявления «я» эгоцентрического

но в речи отрицательных персонажей (убийц, маньяков, людей с неустойчивой психикой), которые пытаются отрицать криминальные действия по отношению к своей личности. Например, один из персонажей днем живет обычной жизнью (сторож Пахоменко), а ночью действует его второе «я», называющее себя Декоратором (маньяк, убивающий ради идеи): *«Это про меня, это я оборотень, который у них тут завелся. ... Я вам брат и сестра, отец и мать, муж и жена. Я и женщина, и мужчина. Я андрогин...»* (Особые поручения, с. 207)¹⁹. Похожий случай гипертрофированного «я», эгоцентризма на грани сумасшествия, отождествления своей самости с Богом представлен в речи героя другого произведения: *«...стены каземата вытравили во мне все страсти. Кроме одной, наивысшей – быть Богом. Длительное одиночное заключение способствует усвоению той истины, что на свете ты – один,*

19 Цитаты из книги «Особые поручения» приводятся по изданию: Акунин Б. Особые поручения. – М.: Захаров, 2001. – 319 с.

вся Вселенная – в тебе, а стало быть, ты и есть Бог» (Любовница смерти, с. 287)²⁰.

в) для абстрагирования я-самости: местоимение «я», сохраняя свое концептуальное содержание (говорящее лицо, личность), приобретает абстрактно-отстраненное значение «я + любой другой». В высказывании *«Хуже всего в новой России было кошмарное сочетание ничем не оправданного высокомерия с непристойным самобичеванием в духе «Я – царь, я – раб, я – червь, я – Бог»* (Алтынтолобас, с. 6) под «я» подразумевается не конкретный индивид («я»), а тенденция, характерная для всей нации на данном историческом этапе развития общества, отмеченная писателем.

Градация степеней проявления эгоцентризма в местоимении «я» в произведениях Б. Акунина представлена в виде шкалы (рисунок 1).

Максимальное проявление эгоцентризма характерно для случаев

20 Цитаты из романа «Любовница смерти» приводятся по изданию: Акунин Б. Любовница смерти. – М.: Захаров, 2005. – 245 с.

употребления гипертрофированного «я»: эгоцентризм на грани сумасшествия, когда «я» приравнивается к Богу (1). На следующей ступени эгоцентризма находится случай употребления «я» в значении «личность» (2). «Я» в значении «говорящий» (3) можно назвать точкой отсчета на шкале эгоцентризма, что объясняет ее центральное положение, так как в любом из случаев употребления «я» можно выделить сему «я – говорящий». На 4-ой ступени проявления эгоцентризма по степени удаленности от максимального выражения «я» расположены способы самоидентификации говорящего как с использованием местоимения «я», так и без «я» с указанием ФИО / клички, поскольку в конструкциях самоидентификации «я» не всегда является обязательным компонентом. К этому же уровню проявления эгоцентризма отнесем конструкции, в которых субъект речи говорит о себе в 3-м лице для самовозвеличивания или обобщения. Минимальное проявление «я» и понижение статуса личности в я-высказываниях на периферии шкалы эгоцентризма – «размытое я» (5) – характерно для конструкций, помогающих передать говорящему абстрагирование, отторжение своего «я».

Местоимение «мы» как основное языковое проявление альтруизма

Семный состав и употребле- ние местоимения «мы»

Местоимение «мы» как выражение альтруизма (в вышеизложенном понимании) рассматривается нами во взаимосвязи с местоимением «я»: значение «личность» растворяется в семантике «мы» и выступает в качестве модифицированной семы «говорящий» от имени коллектива как его составная часть. Семантическая структура местоимения «мы» представляет собой сочетание двух сем: говорящее лицо (инклюзивное «я») и «группа лиц (еще кто-то)». В таком семном составе «мы» есть проявление альтруизма в противопоставлении эгоцентризму в узком смысле. При этом альтруистическая интенция исходит от «я».

В лингвистической литературе описаны следующие транспозиции «мы». «Мы» вместо «я» представлено в виде «авторского мы» («формулы скромности»; «авторского множественного» в теле- и радиопередачах; «ораторского мы»); неодобрительного *мы* типа «знаем мы вас»; «самоуничительного мы»; «мнимо представи-

тельского мы» для самоутверждения (как форма величия; *мы* с оттенком официальности в речи лиц, облеченных властью); торжественного *мы* высших руководителей (монарха, царя). «Мы» вместо «ты / вы» – как формула «участливой совокупности», мнимой совместности проявляется в «мы проповедническом»; «мы родительском»; «мы преподавательском»; «докторском мы»; «мы» в сфере обслуживания (официантов, продавцов); «мы пограничном»; «мы транспортном». Также описаны случаи употребления «мы» вместо «он / она».

Функционирование местоимения «мы» в прозе Б. Акунина

Для градации и дифференциации степеней проявления альтруизма в «мы» нами были введены термины «истинный альтруизм», «квазиальтруизм». В альтруистическом по природе местоимении «мы» в некоторых случаях акцентируется внимание на эгоцентрическом компоненте, что позволяет выделить «эгоцентрическое мы».

«Мы» включает в свой состав говорящего и одного или несколько собеседников ($мы = я + ты / вы$): «Я вернусь к тебе, и мы попробуем жить заново» (Нефритовые четки, с. 37)²¹;

21 Цитаты из сборника «Нефритовые четки» приводятся по изданию: Акунин

«– Беда! – всплеснул руками Сенька. – Я Ташке про вас и господина Масу рассказывал. ...Если он такой настырный, то непременно вызнает, куда мы съехали!» (Любовник смерти, с. 232). Кроме того, в произведениях Б. Акунина представлено выражение конструктивно обусловленного эксклюзивного значения «мы» в конструкциях «мы с N5», выражающих двойственное число, например: *мы с тобой* («я и ты»), *мы с ним* («я и он») и т.п., которое возникает в условиях уточняющего, а не контрастирующего контекста: «– Завтра к Вождю. Поедете со мной... Если мы с вами ошибаемся, история нам не простит. .... – Октябрьский перевел дыхание, это «мы с вами» дорого стоило» (Шпионский роман, с. 286)²².

Разновидностью состава «мы», отмеченной в прозе Б. Акунина, является указание на говорящего и неучастников речевого акта: «я + он/они» в высказываниях мыслительного характера (внутренней речи героя): «мы расстались. Холмс спустился вниз, я поднялся на второй этаж» (Нефритовые четки, с. 647); «В седьмом часу...

Б. Нефритовые четки. – М.: Захаров, 2007. – 701 с.

22 Цитаты из романа «Шпионский роман» приводятся по изданию: Акунин Б. Шпионский роман. – М.: АСТ, 2006. – 400 с.

мы – ее высочество, Михаил Георгиевич и я с мадмуазель Деклик – отправились кататься» (Коронация, с. 31).

В произведениях Б. Акунина референциальное множество «мы» («я + они») представлено в виде следующих групп лиц, составляющих «мы»: группа лиц, объединенных по гендерному признаку (*«Мы, женщины, если любим, то всем сердцем...»* (Статский советник, с. 362)²³), совокупность лиц, проживающих на определенной территории (*«Неприступнейшая крепость, которую мы, англичане, на протяжении веков тщетно пытались взять итурмом...»* (Нефритовые четки, с. 597)), семья (*«Мой отец жил на свете ради business, а я его сын. Мы, фон Маки, все таковы»* (Нефритовые четки, с. 64)), общность лиц по отношению к социальному классу (*«– А мы, двор и правительство, вызываем у одних недовольство, а у других и открытую ненависть». Тот, для кого двор и правительство входили в категорию «мы», нетерпеливо махнул рукой в белой перчатке...»* (Смерть Ахиллеса, с. 275)²⁴ и др.

23 Цитаты из романа «Статский советник» приводятся по изданию: Акунин Б. Статский советник. – М.: Захаров, 2011. – 288 с.

24 Цитаты из романа «Смерть Ахиллеса» приводятся по изданию: Акунин Б.

Система значений личного местоимения «мы» в переносном употреблении в произведениях Б. Акунина представлена следующим образом.

Употребление «мы» вместо «я» объясняется в соответствии с теорией Э. Бенвениста, выделяющего два вида «я» в «мы»: «я», расширенное до «мы»; «мы», затушевывающее «я»²⁵. Положения Э. Бенвениста подтверждает анализ случаев употребления «мы» в произведениях Б. Акунина, позволивший выделить две противоположные тенденции: тенденция обезличивания («я» одного человека прячется за «мы» коллективное), подчеркивание значимости личности, глобальности собственного «я» («я» расширяется до «мы»). Для анализа альтруизма «мы» необходимо дифференцировать это понятие и ввести понятие истинного альтруизма (личность говорящего в таком «мы» отходит на задний план, нивелируется).

Рассмотрим тенденцию обезличивания как проявление истинного альтруизма в произведениях Б. Акунина. Стремление приобщиться к

Смерть Ахиллеса. – М.: Захаров, 2001. – 313 с.

25 Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 269.

коллективному, «стирание» личности, выражено Б. Акуниным словами одного из героев (японского врача): «*Выпянуть свое «я» или растворить его среди могучего «мы» – вот в чем противоположность Европы и Азии*» (Левиафан, с. 90). В данном философском осмыслении семантики «я» и «мы» проявляется одна из особенностей менталитета русских людей, подмеченная писателем, – тенденция «обезличивания», когда человек боится или не хочет в силу моральных или этических причин сказать то, что он думает от своего имени и вместо этого употребляет «коллективное мы», позволяющее завуалировать авторство мыслей, взглядов. Тенденция «обезличивания» использована Б. Акуниным в романах, стилизованных под XIX век, но и сегодня в художественной литературе наблюдается проявление данной тенденции.

В произведениях Б. Акунина данная особенность характерна для представителей ряда профессий низшего социального уровня: слуг (швейцар, горничная, прислуга в гостинице), работников физического труда (дворник, извозчик): «*Дворник ... стоял, комкал и без того до невозможности мятый картуз. – Нешто мы не понимаем. Дверь сарая подпер и побег к*

господину Приблудько» (Особые поручения, с. 163); деклассированных элементов (убийцы, воры), например, «мы» о себе в речи уголовного: «– *От бедности мы, барин, – прохрипел раненый. – Прощения просим*» (Смерть Ахиллеса, с. 311). В приведенных примерах использование формы 1-го лица множественного числа намеренно неясное. Осторожно обобщенное утверждение «я» объясняется тем, что автор речи называет себя (единичного субъекта) «мы» только постороннему человеку, который не принадлежит к той же общности, что и автор речи – это можно назвать выражением корпоративной принадлежности и самоуничтожения говорящего.

Тенденция «обезличивания» также проявляется в «авторском мы». Для анализа данного «мы» введем термин «квазиальтруизм» или «ложный альтруизм», под которым понимается акцентирование внимания в составе «мы» на позиции говорящего, проявление иерархии в совместном действии: называется «мы», но приоритетно «я», так как второй компонент подобного «мы» (3-е лицо – читатель) не действует, а только побуждается к действию. В прозе Б. Акунина «мы» используется вместо «я» в комментариях автора как традиционный прием повество-

вания для активизации внимания читателя, что обусловлено стремлением писателя к достижению эффекта объективного или авторизованного повествования и создает эффект «мнимой множественности», совместности: *«С одной стороны, долг вежливости требует от автора все непонятности разжевать.... Находясь меж сими Сциллой и Харибдою, решились мы на компромисс»* (ФМ, т. 2, с. 228). Причем формальное отсутствие «мы» в подобных случаях не меняет семантику предложения, а значение 1-го лица множественного числа выражает личное окончание глагола-сказуемого. Определенно-личные предложения с нулевым «мы» рассматриваются как равноправные конструкциям с «мы» в роли подлежащего: *«...забегая вперед, сообщим, что смерть высокого лица все же произошла по основаниям не вполне естественным»* (ФМ, т. 1, с. 64). Как подвид «авторского мы» писателя представлено «авторское мы» журналистов печатных изданий, освещающих различные события на страницах произведений Акунина: *«Состоялся старт мотокросса..., о котором мы уже писали»* (Любовник смерти, с. 349).

Противоположной тенденции обезличивания назовем тенденцию

подчеркивания значимости личности, глобальности собственного «я», в которой выделяем «эгоцентрическое мы»: сема «я» преобладает над семой «другие лица». Э. Бенвенист по поводу данного значения «мы» писал, что «я» в таких случаях расширяется до «мы», делая выражение лица более массивным и торжественным, но и менее определенным²⁶. Подобное «мы» использовалось в дореволюционной России в речи царствующих особ. В прозе Б. Акунина представлен случай употребления «царского мы»: *«... мы производим вас в высокое звание камер-фурьера – объявил царь»* (Коронация, с. 393). Разновидность такого «мы» представлена в речи высокопоставленных чиновников, когда о самом себе говорится «мы», например, в речи губернатора Москвы: *«– Я ведь вас помню, – вновь превратился в доброго дедушку Долгорукой. –... Возмужали, переменились. Ну да и мы не молодеем. Присаживайтесь, ... я церемоний не люблю»* (Смерть Ахиллеса, с. 11).

Как проявление тенденции обобщения собственного «я», в рамках которой «мы» употребляется вместо «я + любой, каждый», описаны

26 Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – С. 269.

конструкции типа «знаем, слышали», где эмоционально-грубоватое «мы» используется с экспрессией обобщения в разрезе собственного опыта: информация известна не только говорящему, она всеобща, в результате чего «я» оказывается нивелированным. В романах Б. Акунина подобная форма встречается в рассуждениях людей различных профессий. Например, в высказывании уличного вора Сеньки данная конструкция используется для констатации полученного недавно опыта общения с группой лиц («эти») в значении «знаю, на себе испытал»: *«Но перечить Сенька не решился. Эти силком, за шиворот поволокут – знаем, кушали»* (Любовник смерти, с. 183).

Не относящимся ни к тенденции обезличивания, ни к тенденции глобальности назовем случай употребления «мы» вместо «я» в прозе Б. Акунина во внутреннем диалоге героя с самим собой, отношения «Я» к самому себе как к некоторому «не-я». При мысленном анализе происходящих событий употребление такого «мы» передает эмоциональное, психическое состояние героя, находящегося в тяжелой жизненной ситуации, когда он обращается к себе как к множественному числу, чтобы не чувство-

вать себя одиноким, приспособиться к ситуации: *«Теперь сформулируем самые существенные вопросы... Первый – личный. Не станем скрывать, что этот вопрос ... занимает нас больше всего»* (Внеклассное чтение, ч. 1, с. 218).

Местоимение «мы» используется также в произведениях Б. Акунина для обозначения действия собеседника, которое представлено так, будто в нем участвует говорящий, как формула «участливой совокупности», мнимой совместности, выражает добродушную иронию, участие, снисходительность или фамильярность («мы» вместо «ты»). Подвидом данной формулы является «докторское мы», используемое медиками для выражения милосердия (терапевтическое сочувствие, соучастие в лечении, когда врач воспринимает пациента как личность). Так, «мы» употреблено при разговоре врача с душевнобольным как с маленьким ребенком: *«– Мы будем вести себя хорошо, правда? – спросил главврач»* (ФМ, т. 1, с. 147). «Мы» вместо «ты» также представлено в прозе Б. Акунина в диалоге взрослого человека с маленьким ребенком: *«Графиня повторила свой вопрос:– Ну, как нас зовут? Припомнил?»* (Внеклассное чтение, ч. 1,

с. 232) – «мы» взрослого показывает приобщение к миру ребенка, содержит экспрессию позитивного, одобрительного отношения говорящего к адресату. В современном русском языке такое «мы» считается архаичным.

Местоимение «мы» в речи представителей социально активных профессий (милиционеров, официантов и т.п.) употребляется в значении «вы» и выражает значение «мнимой совместности», «участливой совокупности». Например, в речи представителя милиции употреблена глагольная форма «сидим» в значении «вы сидите», причем говорящий не принимает участие в называемом действии: *«Тут как раз и милиционер подошел... – Что сидим? ...Три электрички проехали, а вы все загораете»* (Внеклассное чтение, т. 1, с. 335).

Довольно редко встречается в прозе Б. Акунина употребление «мы» в значении «он». Например, в высказывании *«Фандорин вдруг покраснел... – Покраснел! – с радостным удивлением воззрится на него Доронин... – Вот тебе и Печорин. Не умеет лгать»* (Алмазная колесница, ч. 2, с. 13)²⁷ глагольная форма со скрытым

«мы» употреблена только по отношению к собеседнику, а не к «я + другое лицо».

Для всех случаев использования «мы» в переносных значениях характерна «борьба» альтруистической и эгоцентрической тенденций, взаимоотношение альтруизма и эгоцентризма, связанное с социальной ролью героев.

Таким образом, семный состав местоимения «мы» представлен в виде формулы «я + х»: «инклюзивное говорящее лицо» (носитель эгоцентризма) и «другие лица». Анализ функционирования «мы» в произведениях Б. Акунина позволил отметить случаи транспозиций (употребления «мы» вместо «я», «ты», «вы», «он»), описать различные степени проявления эгоцентризма и альтруизма в «мы». Градация степеней проявления альтруизма в семантике «мы» в произведениях Б. Акунина представлена в виде шкалы, на которой расположены по мере увеличения степени альтруизма «эгоцентрическое мы» (альтруизм вытеснен эгоцентризмом), обобщенное «мы», квазиальтруизм авторского «мы» (альтруизм вытесняется эгоцентризмом), истинный альтруизм уничижительного «мы» (см. рисунок 2).

²⁷ Цитаты из романа «Алмазная колесница» приводятся по изданию: Акунин Б. Алмазная колесница. В 2 т. – М.: Захаров, 2003. – Т. 1, 2.

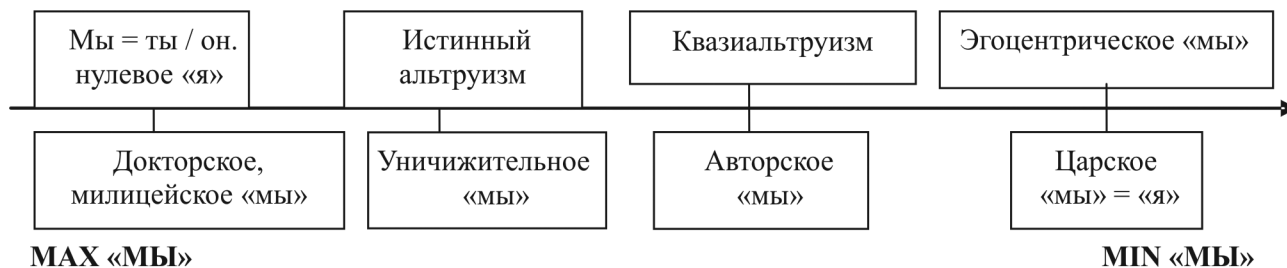

Рисунок 2. Шкала проявления альтруистического «мы»

Случаи транспозиционных употреблений личных местоимений «я» и «мы» в художественной прозе Б. Акунина представлены в виде соотносительной шкалы эгоцентризма – альтруизма (см. рисунок 3), показывающей градацию названных понятий и переходные случаи употребления «я» – «мы».

Выводы

В данной работе проведено исследование функционирования местоимений 1-го лица единственного и множественного числа в языке художественной прозы Б. Акунина в понятийном поле эгоцентризма и альтруизма.

Личные местоимения «я-мы», связанные между собой различным преломлением в своей семантике концепта «личность», в системе языка противопоставлены по характеру отражения обозначенного концепта как выразители языкового эгоцентризма и альтруизма. Однако в процессе функционирования «я-мы»-высказываний в

художественной речи, благодаря общему семантическому основанию эгоцентрического «я» и альтруистического «мы», в рамках каждой из форм происходит взаимодействие эгоцентрического и альтруистического начал, что позволяет Б. Акунину использовать личные местоимения «я», «мы» в различных семантических модификациях.

Местоимение «я» выступает как семантически первичное по отношению к местоимению «мы», включающему «я» в свою семантическую структуру (семный состав). В семном составе местоимения «я» (говорящий + личность) в его текстовой реализации актуализируется сема «личность», что подтверждается данными психолингвистического эксперимента, когда реципиенты в тех или иных вариантах ассоциируют фоновизуальный комплекс «я» с представлением о личности.

Актуализация семы «личность» находит отражение в особенностях употребления «я» в произведениях Б. Акунина (проявления сквозного – от

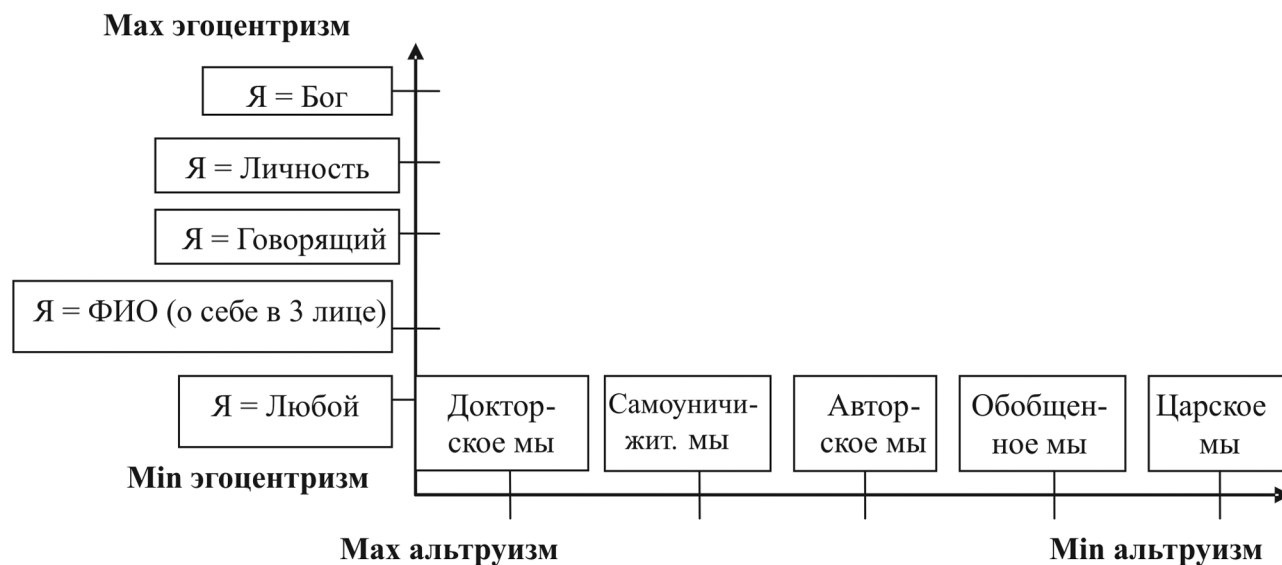

Рисунок 3. Шкала взаимодействия эгоцентризма и альтруизма (я – мы)

автора до героев – раздвоения личности, отторжения от личности с различной мотивацией), демонстрирующих различные степени представления эгоцентризма в акунинском «я».

Семный состав местоимения «мы» характеризуется наличием в нем инклюзивного «я» (носителя эгоцентризма), которое, сохраняя изначальную семантику «его», в сочетании с семей «другие лица» становится носителем альтруизма, благодаря чему в местоимении «мы» при варьировании его инвариантного (основного) значения (транспозициях) в дискурсивном употреблении происходит взаимодействие эгоцентризма и альтруизма в разной степени их проявления, что подтверждается особенностями употребления мы-высказываний Б. Акуниным (эго-

центрическое «мы», альтруистическое крестьянское «мы» и др.).

На базе текстового исследования употреблений местоимений «я», «мы» в произведениях Б. Акунина описывается содержательная структура личных местоимений, представленная в виде соотносительной шкалы эгоцентризма – альтруизма, показывающая градацию названных понятий и переходные случаи употребления «я», «мы».

Анализ произведений Б. Акунина позволил выявить две противоположные тенденции употребления «я» и «мы»:

- 1) нивелирование личности, обезличивание,
- 2) подчеркивание значимости личности, глобальности собственного «я».

Список литературных источников

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.
2. Вольф Е.М. Грамматика и семантика местоимений. – М.: Наука, 1969. – 224 с.
3. Маловицкий Л.Я. История предметно-личных местоимений русского языка в семантико-синтаксическом аспекте: автореф. ... докт. филол. наук. – Л., 1972. – 44 с.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 271 с.
5. Петрова Н.А. Личные местоимения в коммуникативном аспекте: автореф. ... канд. филол. наук. – Череповец, 1995. – 21 с.
6. Селиверстова О.Н., Ярцева В.Н. Местоимения в языке и речи. – М.: Наука, 1988. – 159 с.
7. Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1990. – 184 с.

On the question of egocentrism of the personal pronoun "I" and the altruism of the personal pronoun "we" in Boris Akunin's prose

Dronseika Regina Pranasovna

PhD (Philology), senior lecturer,

D. Serikbayev East Kazakhstan State Technical University,

P.O. Box 070003, Potanina st., 13 – 13, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan;

e-mail: rdronseika@inbox.ru

Abstract

The article is devoted to analysis of the personal pronouns "I" and "we" under the semantic aspect in the context of their functioning in the modern literary texts (in

B. Akunin's prose) as the most vivid expression of egocentrism and altruism in terms of the problem of language personality. The aim of the article consists in the studying of functioning of personal pronouns *I-We* as exponents of linguistic egocentrism and altruism in B. Akunin's prose. Methods and research techniques: the general approaches are the deductive and descriptive methods, elements of componential analysis, psycholinguistic questionnaire survey, elements of statistic approach. The practical value consists in the fact, that the main results and statements of the research can be used in developing lecture courses, special courses, workshops in stylistics of modern Russian language and linguistic analysis of the literary texts; in poetics by studying individual writer's style; in lexicography teaching Russian as a foreign language; in translating training. The analysis of B. Akunin's prose allows us to highlight two opposing sides of using of pronouns "I" and "we": 1) Leveling of personality, depersonalization, caused by various motives, 2) Accentuation of personality significance, globality of personal "I". On the basis of text study of using of the personal pronouns "I" and "we" in the B. Akunin's prose there is given a describing of conceptional structure of them submitted as a egocentrism-altruism-scale.

Keywords

Semantic structure of personal pronouns, transpositional using of personal pronouns "I" and "we", linguistic altruism, linguistic egocentrism, personality, B. Akunin's prose.

References

1. Benvenist, E. (1974), *General linguistics* [*Obshchaya lingvistika*], Progress, Moscow, 448 p.
2. Khimik, V.V. (1990), *Category of subjectivity and its expression in the Russian language* [*Kategoriya sub"ektivnosti i ee vyrazhenie v russkom yazyke*], Leningrad, 184 p.
3. Malovitskii L.Ya. (1972), *The history of the subject-personal pronouns of the Russian language in the semantic and syntactic aspect: abstract of dissertation* [*Istoriya predmetno-lichnykh mestoimenii russkogo yazyka v semantiko-sintaksicheskome aspekte: avtoreferat dissertatsii*], Leningrad, 44 p.

4. Paducheva, E.V. (1985), *The statement and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)* [*Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)*], Nauka, Moscow, 271 p.
5. Petrova, N.A. (1995), *Personal pronouns in the communicative aspect: abstract of dissertation* [*Lichnye mestoimeniya v kommunikativnom aspekte: avtoreferat dissertatsii*], Cherepovets, 21 p.
6. Seliverstova, O.N., Yartseva, V.N. (1988), *Pronouns in language and speech* [*Mestoimeniya v yazyke i rechi*], Nauka, Moscow, 159 p.
7. Volf, E.M. (1969), *The grammar and semantics of pronouns* [*Grammatika i semantika mestoimenii*], Nauka, Moscow, 224 p.